

Література

1. Гужва А. Духовная драма как драма истории /Александр Павлович Гужва. - К.: Кафедра, 2012. - 200 с.
2. Летопись жизни и творчества А.Н.Скрябина / [сост. М.П. Пряшников и О.М. Томпакова]. - М.: Музыка, 1985. - 295 с.
3. Лосев А.Ф. Мировоззрение Скрябина /Алексей Федорович Лосев // Лосев А.Ф. Страсть к диалектике: литературные размышления философа. - М.: Сов. писатель, 1990. - С.256-301.
4. Рубцова В. Александр Николаевич Скрябин /В.Рубцова. - М.: Музыка, 1989. - 448 с.
5. Тейяр де Шарден, Пьер . Феномен человека /Пьер Тейяр де Шарден.; [пер. и прим.Н.А.Садовского]. - М.: Прогресс, 1965. - 64 с.
6. Хайдеггер Мартин. Бытие и время / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем. В.В. Бибихина]. - М.: Ad Marginem, 1997. - 451 с.
7. Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах /Альберт Швейцер; [пер с нем. Я.С.Друскина; ред. пер. и послесловие «Швейцер и вопросы баховедения» М.С.Друскина]. - М.: Музыка, 1964. - 728 с.
8. Ясперс К. Психологія світоглядів. Шосте видання /Карл Ясперс; [пер. з нім. Олександра Кислюка та Романа Осадчука]. К.: Юніверс, 2009. - 464 с. (Філософська думка).

Додонов Р.

*доктор философских наук, профессор кафедры философии
Донецкого национального технического университета*

Мозговой Л.

*кандидат философских наук, профессор-зав. кафедры философии,
социально-политических и правовых наук Донбасского
государственного педагогического университета*

УДК 101 (47 +57) «19»

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ СОВЕТСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСКУССИЙ 20-Х – 40-Х ГОДОВ ХХ ВЕКА

Статья посвящена определению места философских дискуссий 20-х – 40-х годов ХХ века в духовной жизни страны. Доказывается, что содержательная сторона дискуссий находится в подчинении ее организационно-идеологического аспекта. В тоталитарном обществе дискуссии стали механизмом выявления позиций, отличных от партийной линии, и как следствие – средством контроля над мыслящей интеллигенцией.

Ключевые слова: философия, дискуссия, философский съезд 1947 года.

Додонов Р.

*доктор філософських наук, професор кафедри філософії
Донецького національного технічного університету*

Мозговий Л.

*кандидат філософських наук, професор-завідувач кафедри
філософії, соціально-політичних і правових наук ДВНЗ «Донбаський
державний педагогічний університет»*

**ДО ПИТАННЯ ПРО ЗНАЧЕННЯ РАДЯНСЬКИХ ФІЛОСОФСЬКИХ
ДИСКУСІЙ 20-Х - 40-Х РОКІВ ХХ СТОЛІТТЯ**

*Стаття присвячена визначенню місця філософських дискусій
20-х - 40-х років ХХ століття у духовному житті країни. Доведемо,
що змістовна сторона дискусії підпорядковувалась її
організаційним та ідеологічним аспектам. У тоталітарному
суспільстві дискусії були механізмом визначення позицій, що
відрізнялись від лінії партії, як наслідок - засобом контролю над
мислячою інтелігенцією.*

Ключові слова: *філософія, дискусії, філософський з'їзд 1947 року.*

Dodonov R.

*Doctor of sciences in philosophy, Professor of the Department of
philosophy of Donetsk National Technical University*

Mozgovoy L.

*PhD in philosophy, Professor, the Director of the Department of
philosophy of Donbass State Pedagogical University*

**ON THE IMPORTANCE OF SOVIET PHILOSOPHICAL DISCUSSIONS
OF 20'S - 40'S OF XXTH CENTURY**

*The article is devoted to the definition of the place of philosophical
discussions 20s - 40s of the twentieth century in the spiritual life of the
country. We prove that the content side of the debate is subordinate to
its organizational and ideological aspects., the discussion was to identify
the mechanism of positions other than the party line, and as a
consequence - a means of control over the thinking intellectuals in a
totalitarian society.*

Keywords: *philosophy, discussion, philosophical congress in 1947.*

Дискуссия (лат. discussio – «рассмотрение», «исследование») как обмен мнениями, мыслями, позициями есть нормальное состояние для философии. Вспомним сократовское «в споре рождается истина»! Публичное обсуждение философской проблемы в кругу профессионалов, в печати, на собрании заинтересованных лиц, дает возможность философу глубже проникнуть в суть проблемы, подобрать нужные аргументы, сконцентрироваться на защищаемом тезисе. Такие дискуссии перманентно продолжаются

на протяжении всей жизни мыслителя. Особое место среди них занимают философские дискуссии 20-х – 40-х годов прошлого века, организованные партийно-идеологической верхушкой для выяснения вопроса о месте философии и философа в советском обществе.

В данной статье предпринимается попытка оценить место и роль философских дискуссий в духовной жизни советского общества.

Уже в первые пореволюционные годы развернулась стихийная дискуссия относительно места философии в социалистическом обществе. В середине 20-х годов популярной была идея полного отрицания «старой» философии, подобно пролеткультовскому отрицанию «старой» культуры вообще. Так, в частности, большевистский ректор Петроградского университета С. Минин опубликовал статью «Философию за борт», в которой отмечал, что «подобно религии, философия враждебна пролетариату». В год смерти Ленина этот тезис развил И. Скворцов-Степанов, автор русского перевода «Капитала». По его мнению, настоящая философия есть не что иное, как совокупность достижений естественных наук, настоящему марксисту ничего другого и не нужно. Такая точка зрения, мало чем отличающаяся от позитивистского лозунга «каждая наука – сама себе философия», и сегодня популярна в среде технической интеллигенции, а тогда она была воспринята как призыв к действию. Сторонники «выбрасывания философии за борт» стали называться «механистами». К ним примкнули Аркадий Тимирязев, сын известного биолога, Любовь Аксельрод и некоторые другие.

Большинство же профессиональных философов, не без оснований опасаясь за свои рабочие места, выступили против такой позиции, доказывая, что марксизм – тоже философия, и только овладев тонкостями диалектики, можно освоить учение К. Маркса и Ф. Энгельса. Возглавил лагерь «диалектиков» видный марксистский философ А.М. Деборин (Иоффе), выпускник Бернского университета, ставленник В.И. Ленина, главный редактор журнала «Под знаменем марксизма». Его единомышленник Ян Стэн обвинил Скворцова-Степанова в том, что тот призывает двигаться вспять: от материализма диалектического к материализму механическому.

Дискуссия между «механистами» и «диалектиками» с переменным успехом продолжалась до 1928 года. Достаточно демократическая по форме, она способствовала выявлению различных позиций оппонентов, после чего следовали организационные выводы, которые демократичными назвать было

никак нельзя. По сути, философская дискуссия выполняла функции дифференциации философов на «своих» и «чужих», на «попутчиков» и «противников». «Оппоненты обвиняли друг друга в схоластическом подходе и, в сущности, были правы, потому что доказать свою правоту с помощью вычислений и экспериментов не могли ни те, ни другие. Между тем и те и другие верили, что философская истина может быть только одна, а ближе всех к ней тот, кто лучше умеет вчитываться в тексты классиков марксизма-ленинизма. При таком подходе научная совесть прямо требовала расправляться со своими идейными противниками всеми возможными способами, подобно тому, как схоласты Средневековья с сознанием исполненного долга отправляли друг друга на костер» [1]. В ход пошли обвинения в политической неблагонадежности, административные интриги и популярные в то время анонимные доносы. Подобная тактика определила победу «диалектиков», и в значимости философии для дела коммунистического строительства никто больше не сомневался.

Абсолютизация диалектического материализма как «единственно правильной» философии привела к тому, что вещавшие от ее имени идеологи стали предписывать уже не только обществоведам, но и натуралистам – к каким именно выводам они должны придти в своих изысканиях, исходя из логики развертывания философских закономерностей. Так, в частности, А.М. Деборин фактически спровоцировал академика В.И. Вернадского на дискуссию относительно понимания предмета философии и взаимоотношения последней с наукой, в результате чего получил нелюбезную оценку диалектики как придворной философии, обреченной на деградацию и застой. «То привилегированное положение, в каком диалектический материализм находится в нашей стране, – смело заявлял академик, – неизбежно ставит его в тепличные условия, приведет в нем самом к замиранию творческой философской мысли, как это всегда и неизбежно происходило со всеми охраняемыми – официальными – учениями. Свободная мысль есть основа философского творчества, она не терпит и не сносит оков» [2, с.411].

Пессимистические пророчества Вернадского, к сожалению, реализовались в полной мере. Но толерантность и уважительное отношение к инакомыслию не относилось к числу добродетелей советской идеологической элиты. Перенос на философскую почву революционных методов расправы с классовыми врагами и оппонентами внутри партии с необходимостью должны были привести и привели к тому, что ключевые посты на кафедрах и в

Академии наук заняли не действительно талантливые философы, а функционеры, мастерски владевшие революционной фразой и улавливающие политическую конъюнктуру.

В 30-е годы Сталин пришел к выводу, что настала пора вытеснить старых философов ленинской закваски молодыми кадрами, преданными и зависящими лично от него. Лакмусовой бумажкой, позволяющей определить преданность вождю, стал тезис о тождественности философии и политики. Вскоре группа молодых философов из Института красной профессуры (ИКП) во главе с Марком Борисовичем Митиным (Гершковичем) и Павлом Федоровичем Юдиным провозгласила открытие «философского фронта» сразу в двух направлениях: и против «механистов», и против «диалектиков». Лично посетивший собрание бюро партячейки ИКП И.В. Сталин был предельно откровенен: «Надо разворошить, перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Надо все разворошить, что написано деборинской группой, разбить все ошибочное. Стэн, Карева вышибить можно; все разворошить надо. Для боя нужны все виды оружия... На деле они антимарксисты. Какой же это марксизм, который отрывает философию от политики, теорию от практики...». При обсуждении кандидатуры Деборина на должность главного редактора журнала «Под знаменем марксизма» Сталин сказал: «Деборин, по-моему, безнадежный человек. Однако в редакции оставить надо, для того чтобы было кого бить. Надо и одного из механистов, только кого-нибудь из них пооборотистей. У вас в редакции будет большинство. Редакция будет вашей школой. Вы тут внутри в редакции будете иметь два фронта. Вы должны все вопросы проверять на этих двух фронтах, для того чтобы самим не ошибиться и не впасть в односторонность. В редакции будете учиться и знать противника» [1].

Начертанная вождем программа начала реализоваться. «Митин и Юдин звезд с неба не хватают, но технику дела знают хорошо», – говаривал Сталин. Отдавая отчет в том, что философский уровень красной профессуры оставлял желать лучшего, вождь решил не уничтожать сразу всех философов из числа оппонентов, «дабы молодежи было на ком точить когти». Тем не менее, головы полетели. Из лагеря «диалектиков» были арестованы талантливый философ Ян Стэн (Митин присвоил и опубликовал под своей фамилией одну из его рукописей), Иван Луппол (умер в лагерях в 1943 году). А вот А. Деборин проявил чудеса приспособляемости, не уставая каяться в ошибках, так вжился в роль «академика для битья», что пережил и кампанию

против «меньшевистствующего идеализма», и эпоху репрессий, и даже самого товарища Сталина.

Группа Митина-Юдина получила высокие должности и все прилагающиеся к ним блага. М.Б. Митин возглавил журнал «Под знаменем марксизма». Когда в 1936 году на базе Института философии Комкадемии был организован Институт философии АН СССР, стал заместителем директора, а в 39-м – директором Института Маркса-Энгельса-Ленина и членом ЦК. П.Ф. Юдин в 32-м году возглавил ИКП, в 37-м – Объединение государственных книжно-журнальных издательств, в 38-м стал директором Института философии АН СССР. Как отмечает Кирилл Новиков, «Митин и Юдин неустанно громили «врагов» в своих статьях, но крупных философских трудов из-под их пера не выходило. Другим философам тоже не давали развернуться, дабы никто не смел затмевать достижения высокого начальства. Самым масштабным проектом той поры была многотомная «История философии», которая должна была дать новый, марксистский взгляд на развитие человеческой мысли. За эту грандиозную задачу взялся юдинский Институт философии, и в 1940 и 1941 годах вышли первые два тома. Однако с третьим томом вышла осечка, которая повлекла за собой самую крупную философскую дискуссию сталинской эпохи» [1].

Сталинские историки философии споткнулись об оценку наследия Гегеля. С одной стороны, немецкая классическая философия, в частности, диалектика Гегеля и материализм Фейербаха, недвусмысленно была провозглашена и самим Марксом, и Лениным, и Сталиным в качестве философского источника марксизма. Но, с другой стороны, с нацистской Германией идет война, и как можно превозносить немецких мыслителей? Было решено, что Гегеля и Фейербаха не стоит отождествлять с гитлеровской кликой, и третий том «Истории философии» увидел свет в 1943 году. Книга получила Сталинскую премию.

В это время на «философском фронте» появилась еще одна фигура – заведующий кафедрой философии МГУ Зиновий Яковлевич Белецкий, большой любитель доносов и «критических замечаний» [6]. В своем письме Сталину он указывал, что и помимо принадлежности к немецкой нации в гегельянстве – этой «аристократической реакции на французский материализм и Просвещение» – есть много такого, что вообще несовместимо с марксистским мировоззрением. По мнению Белецкого, следовало бы более критично отнестись к гегелевской философии.

Последовало специальное постановление ЦК, осуждающее позицию третьего тома как апологетическую по отношению к немецкой классике. Сталинская премия за третий том была снята, а его редакторы П. Юдин, М. Митин и Б. Быховский были освобождены от занимаемых должностей. Досталось от З.Я. Белецкого и Г.Ф. Александрову, начальнику управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), написавшего «Историю западноевропейской философии». Книга представляла собой конспект лекций, прочитанных автором в 30-е годы. Ничем не примечательный лекционный курс неожиданно издали огромным тиражом и рекомендовали в качестве основного вузовского учебника. Больше того, книга Г.Ф. Александрова была рекомендована на соискание Сталинской премии, а сам автор в 1946 году стал академиком АН СССР. З.Я. Белецкий обвинял Г.Ф. Александрова в том, что тот вместо политически окрашенной критики западных философов дает «беспардонное, академическое изложение» их воззрений.

В январе 1947 года состоялось обсуждение «Истории западноевропейской философии» Г.Ф. Александрова, на котором присутствовал личный секретарь Сталина Александр Поскребышев. Однако, вождь был неудовлетворен ходом дискуссии, объявив ее куцей, неэффективной и не принесшей должных результатов.

И тут взошла философская звезда А.А. Жданова, которому Сталин поручил организовать повторное обсуждение с привлечением широких философских кругов, не только столичных. Андрей Александрович, накопивший к тому времени богатый опыт работы с интеллигенцией, отнесся к поручению достаточно серьезно. Характерно, что практически все предшествующий философскому съезду «ждановские акции» с творческой интеллигенцией имели один и тот же алгоритм: «избирался негативный пример (рассказ Зощенко, обилие пьес западных драматургов в театральном репертуаре, фильм «Большая жизнь», опера Вано Мурадели...) и к нему подверстывались «факты», которые вели к выводам, часто никак с ними не связанными (так, в фильме Леонида Лукова «Большая жизнь» не было проблем «исторической правды», а в опере Мурадели не было «формализма»). Ждановская модель кампании имела свой trademark: она обычно венчалась большим собранием (писателей, музыкантов, философов), речами самого Жданова и разгромным постановлением» [3]. Административный ресурс, находившийся в его распоряжении, вполне позволял подойти к делу с размахом:

ведь на протяжении трех послевоенных лет Жданов почти официально был вторым человеком в СССР.

Философская дискуссия под руководством А. А. Жданова (или «Съезд философов», как окрестили ее в прессе), состоялась с 16 по 25 июня 1947 года. В ней приняли участие около 500 человек, в том числе секретари ЦК партии А.А. Кузнецов и М.А. Сулов. Наученные трагическим опытом предвоенных лет, Александров и его соавторы даже не защищались. Зато каждый из выступавших старался найти в тексте какой-нибудь недостаток. С разгромной критикой выступили М.Б. Митин, не смотря на то, что это именно он подал книгу на соискание Сталинской премии, и П.Е. Вышинский, давший ранее на нее положительную рецензию.

Итог дискуссии, как и предполагалось сценарием, подвел сам Жданов. Текст его выступления заблаговременно вычитал и отредактировал Сталин, на одной лишь 41 странице он сделал 26 правок [4]. Доклад был опубликован отдельной брошюрой тиражом в полмиллиона экземпляров. В нем А.А. Жданов констатировал последствия «тепличных условий», предоставленных диамату, которые ранее предсказывались В.И. Вернадским: «монографии и статьи по философии стали редким явлением», «философская продукция совершенно недостаточна по количеству и слаба по качеству», «Институт философии не объединяет работников периферии, провинциальные философы предоставлены самим себе, тематика их изысканий повернута в прошлое».

«Это ведет к известному возрождению схоластики, – делает вывод Жданов, – С этой точки зрения представляется странным имевший здесь место спор о Гегеле. Участники этого спора ломаются в открытую дверь. Вопрос о Гегеле давно решен. Ставить его вновь нет никаких оснований, никаких новых материалов, сверх уже разобранных и оцененных, здесь не было предъявлено. Сам же спор досадно схоластичен и оказывается столь же мало продуктивным, как выяснение в свое время в некоторых кругах вопроса о правомерности двоеперстия и троеперстия или о том, может ли бог создать камень, который он не может поднять, и была ли богородица девой. Актуальные проблемы современности почти не разрабатываются. Все это, вместе взятое, чревато большими опасностями, гораздо большими, чем это вам представляется. Самая большая угроза заключается в том, что некоторая часть из вас уже свыклась с этими недостатками» [5, с.34-35].

А.А. Жданов ухватился за термин «философский фронт» – типичный, впрочем, оборот для крайне милитаризированного сознания вышедшего из войны общества. И именно в военных

терминах он описал состояние советской философии: «когда говорят о философском фронте, то сразу же напрашивается представление об организованном отряде воинствующих философов, вооруженных в совершенстве марксистской теорией, ведущих развернутое наступление на враждебную идеологию за рубежом, на пережитки буржуазной идеологии в сознании советских людей у нас внутри страны,двигающих неустанно нашу науку вперед, вооружающих тружеников социалистического общества сознанием закономерности нашего пути и научно обоснованной уверенностью в конечной победе нашего дела. А разве наш философский фронт похож на настоящий фронт? Он скорее напоминает тихую заводь или бивуак где-то далеко от поля сражения. Поле боя еще не захвачено, соприкосновения с противником большей частью нет, разведка не ведется, оружие ржавеет, бойцы воюют на свой риск и страх, а командиры или упиваются прошлыми победами, или спорят, хватит ли сил для наступления, не следует ли потребовать помощи извне, или на тему, насколько сознание может отстать от бытия, чтобы не показаться чересчур отсталым» [5, с.35-36]. Жданов напомнил, что Советский Союз одержал победу в самой страшной и кровопролитной в истории человечества войне, и это ставит перед советской философией новые задачи. Борьба с буржуазной идеологией, «вооружение идейным оружием марксизма» братьев из социалистического лагеря, продвижение ценностей социализма в постколониальные страны, обобщение огромного опыта социалистического строительства и при решении новых задач социализма внутри СССР, – вот задачи, которые назывались в докладе как стоящие перед «философским фронтом» на повестке дня.

Советская философия, признает А.А. Жданов, явно отстает и не реагирует на «те быстрые изменения, которые каждый день вносит в наше социалистическое бытие», они «не обобщаются нашими философами, не освещаются с точки зрения марксистской диалектики. Тем самым затрудняются условия для дальнейшего развития нашей философской науки, и положение складывается таким образом, что *развитие философской мысли идет в значительной мере помимо наших профессиональных философов*» (курсив мой – Р.Д.) [5, с.36]. Иначе говоря, магистральное развитие советской философии проходит где-то в стороне от философских кадров? Но кто же тогда развивает философию? Данный вопрос, естественно возникающий сегодня, в те годы был просто

кощунственным. Разумеется, товарищ Сталин, верный продолжатель традиций Маркса-Энгельса-Ленина!

И именно для укрепления этой центральной мысли, собственно говоря, и была организована философская дискуссия. Функционеры от философии должны знать свое место и не вести себя как свободомыслящие философы. Год спустя после дискуссии Жданов скажет: «Философию развивали революционеры и ученые. Что же касается наших философов-профессионалов, заполняющих институты философии и философские кафедры учебных заведений, партийных школ, то никто из них за тридцать лет советской власти и торжества марксизма в нашей стране не высказал ни одной новой мысли, которая вошла бы в сокровищницу марксистско-ленинской философии. Более того, никто из наших философов-профессионалов не высказал ни одной мысли, которая обогатила бы какую-либо конкретную область знания. Это в равной степени относится к Деборину и Митину, Юдину и Александрову, Максимову и Кедрову и всем остальным» [6].

Причины же такого состояния дел усматривались Ждановым исключительно в умственных способностях философской элиты. В своем докладе он указывал, что главная причина отставания «философского фронта» носит не объективный, а субъективный характер. Не мог же он, в самом деле, признать пагубное воздействие всей тоталитарной системы на ее способность к философской рефлексии!

Несмотря на призывы к философскому творчеству, лишь немногие участники дискуссии не увидели явного противоречия между декларируемым пафосом созидания и устремленности в будущее, с одной стороны, и консервативной риторикой, навечно закрепляющей догмы 30-х годов – с другой. Как писал проф. Каменский З.А., «оценивая в целом теоретико-методологические идеи, выдвинутые в речи Жданова, следует сказать, что они сыграли глубоко реакционную роль в дальнейших судьбах советской истории философии как науки... Докладчик, полностью утвердившись в старых, сформулированных до него догмах, ввел догмы дополнительные» [7]. В их числе называются идеологические установки относительно упрощенного понимания истории философии как борьбы и победы материализма над идеализмом; становления истории философии как науки только со времени возникновения марксизма; постоянной изменяемости предмета философии; отпочковании от философии всех прочих наук и т.д.

Собственно организационно-административные последствия участия А.А. Жданова в философской дискуссии значительно

превышали ее теоретико-методологическую ценность. Прямым результатом философской дискуссии 1947 года стало учреждение главного в русскоязычном пространстве философского журнала «Вопросы философии», который действует и поныне. Что же касается актуальных теоретических проблем, стоящих перед историками философии и интересующих их с профессиональной точки зрения, то ответов на них они либо не получили, либо остались неудовлетворенными их содержанием. Тем не менее, указанные выше догмы были восприняты как обязательные для научной работы, как методологические установки, которые следует реализовывать при написании статей и монографий, в преподавании философии. После дискуссии философию стали изучать в вузах не в хронологическом порядке – с древнейших времен до нашего времени, а лишь со сталинских трудов.

Оценивая в целом значение философских дискуссий 20-х-40-х годов XX века, необходимо подходить к ним конкретно исторически. Не стоит думать, что обращение партийной элиты к философскому сообществу было вызвано желанием помочь последнему в решении важных методологических проблем. И в конце 20-х, и в середине 40-х годов организованные философские дискуссии преследовали не столько теоретические, сколько политические цели (аппаратная борьба в сталинском окружении, борьба за власть и привилегии в среде самой интеллигенции, вкусы и пристрастия Сталина). Проведение А.А. Ждановым философской дискуссии 1947 года было лишь одним эпизодом систематических сталинских акций, которые продолжались и после смерти Жданова. Достаточно вспомнить аналогичные кампании в биологии (1948), театральной критике (1949), истории науки (1949-1950), физиологии (1950), лингвистике (1950), политэкономии (1951) и т.п. В конечном счете, все они были направлены «на усмирение интеллигенции, «вышедшей из-под контроля» во время войны, а в более широкой перспективе – на приведение общества к единомыслию довоенного образца, чтобы в их центре была одна и та же предвоенная патриотическая установка («искоренение вредоносного западного влияния»)» [3]. При этом тезис, по поводу которого разворачивался спор, как правило, отодвигался на второй план. Между тем, вынесенные тогда на обсуждение вопросы до сих пор будоражат философскую общественность, обуславливая актуальность обращения к данной теме и сегодня.

Литература

1. Новиков К. «Требуется утвердить один авторитет во всех областях» [Электронный ресурс] / Кирилл Новиков // Адрес доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/757011>
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // В.И. Вернадский. О науке. Том 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. – Дубна: «Феникс», 1997. – 576 с.
3. Добренко Е. REALA STHETIK, или Народ в буквальном смысле (Оратория в пяти частях с прологом и эпилогом) [Электронный ресурс] / Евгений Добренко // Адрес доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/do13.html>
4. Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года / В.Д. Есаков // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С.83-106.
5. Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г. / А.А. Жданов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – 48 с.
6. Батыгин Г.С. Дело профессора З.Я. Белецкого / Г.С. Батыгин, И.Ф. Девятко // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. В 2 кн. – Кн. 1. 20–50-е годы. / Под ред. В.А. Лекторского. – М.: РОССПЭН, 1998. – С.218–242.
7. Каменский З.А. История философии как наука в России XIX–XX вв. / З.А. Каменский. – М.: Изд-во «Эслан», 2001. – 332 с.

Абизова Л.

*кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії,
соціально-політичних і правових наук ДВНЗ «ДДПУ»,*

Попов В.

*доктор філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії
Донецького національного університету*

УДК 37.013.73

ФІЛОСОФСЬКІ АСПЕКТИ ОСВІТНЬО-ПЕДАГОГІЧНОГО ДИСКУРСУ

Стаття є авторською спробою дослідження освіти у контексті філософської рефлексії. Актуальність проблеми обумовлена змінами в сучасному освітньому просторі і потребою формування нового типу особистості. Зазначається, що реалізація можливостей освіти здійснюється саме завдяки освітньо-педагогічному дискурсу, констатується тісний взаємозв'язок між філософією та освітою. Зроблено висновки про те, що відсутність загально визнаних підходів до вивчення філософських аспектів освіти